

№ 32

Сообщение газеты «Борьба» о беседе с М. Чокаевым
относительно положения в Туркестане1 апреля 1920 г.¹

В последнем номере «Вольного горца» помещена за подписью Алибека любопытная корреспонденция из Баку — «Чистка туркестанских авгиевых конюшен».

Автор корреспонденции сообщает о борьбе между центральной советской властью, вынужденной после ряда коммунистических экспериментов в Туркестане пойти под давлением необходимости на существенные уступки туземному мусульманскому населению, и туркестанскими «ура-большевиками», противившимися проведению в жизнь примирительных мероприятий центральной власти.

В результате этих трений оказываются удаленными «от дел» виднейшие деятели туркестанского большевизма; назначается также особая комиссия для дальнейшей чистки «авгиевых конюшен».

Статья г. Алибека интересна и в том отношении, что она дает некоторое представление о туркестанских заправилах: среди смещенных деятелей числятся, например, заместитель председателя Туркестанского совнаркома доктор Успенский (удален за неблагоприятные поступки); председатель ТурЦИКа Казаков, которому инкриминируется сокрытие указаний центральной власти; главковерх Колузаев — за зверское отношение к местному населению (исключен из партии и осужден на 5 лет общественных работ²); виднейший советский деятель Агапов³ — посажен в психиатрическую больницу.

По существу сообщений корреспондентом «Вольного горца» наш сотрудник обратился за разъяснениями к гр. М. Чокаеву, прекрасно знающему Туркестанский край и осведомленному о тамошних отношениях.

В беседе с нашим сотрудником гр. Чокаев заявил:

Сведения, приведенные в «Вольном горце» о событиях в Туркестане, вполне соответствуют действительности.

Лица, которые передали эту информацию корреспонденту «Вольного горца», были в Тифлисе и сделали подробное сообщение о положении в Туркестане.

Общественное положение указанных лиц исключает возможность всяких сомнений в достоверности передаваемого ими, да и ранее поступавшие в наше распоряжение сведения вполне совпадают с их информацией.

Резкий перелом в советской политике по отношению к Туркестану является результатом как той кампании, которая велась организованным общественным мнением Туркестана, так и объективных условий туркестанской действительности.

Я считаю нелишним ныне коснуться в кратких чертах истории той кампании, которая велась против диктатуры туркестанских большевиков. Должен оговориться, что весной 1918 г., когда туркестанские большевики стали хозяевами положения в стране, многие из жителей автономии (Туркестана) считали единственным путем сохранения края от анархии не только примирение, но и контактную работу с центральной советской властью при условии, что она примет меры к обузданию зарвавшихся туркестанских авантюристов и в своих реформах будет считаться с самобытными особенностями жизни туземного населения.

Туркестанская же советская власть принимала все меры к тому, чтобы парализовать возможность сношения подлинных представителей местного населения с центральной советской властью.

И в этом она [пре]успела: присланные из Москвы в качестве представителей центрального Совнаркома члены Мусульманского комиссариата Клевлеев⁴ и Ю. Ибрагимов⁵, вместо выполнения заданий пославшего их центра, оказались в одном лагере с туркестанскими коммунистами. Это привело к окончательному разрыву мусульманских деятелей с туркестанской советской властью и к созданию за пределами Туркестана политического центра с разветвлениями его по всему Туркестанскому краю.

Резко настроенные против большевистской политики в Туркестане и абсолютно непримиримые в отношении туркестанских большевиков деятели этого центра не могли, однако, в своей борьбе быть заодно и с реакцией, выдвигавшей в пограничных с Туркестаном областях России оренбургского атамана Дутова и сибирского Иванова-Ринова.

И когда на горизонте появился Верховный правитель России адм. Колчак и представители Антанты спешили с признанием его, как единственного носителя верховной власти в России,

Комитет по созыву Туркестанского Учредительного собрания отправил мирной конференции телеграмму, в которой, между прочим, говорил: «Туркестан не может признать ни за одним из существующих ныне правительств России право на представительство его самобытных политико-экономических интересов».

Радио это в копиях было отправлено московскому и туркестанскому совнаркомам.

В Туркестане оно было воспроизведено во всех советских изданиях и вызвало ответное радио 7-го Чрезвычайного съезда Советов Туркестанской Советской Республики.

Не ограничиваясь посылкой радио, комитет продолжал освещать все стороны деятельности туркестанских большевиков на страницах прессы здесь и за границей.

Мне приходилось встречаться в Закавказье с некоторыми бывшими деятелями туркестанской советской власти, которые сами признавались в преступных ошибках туркестанских большевиков, заинтересованных только в одном — в удержании за собою власти.

Надо полагать, что «социалистические художества» туркестанских большевиков стали известны и российскому центру, который, *по соображениям политического момента*, пришел, по-видимому, к убеждению в необходимости произвести чистку туркестанских «авгиевых конюшен».

В разгроме туркестанских большевиков нельзя не видеть признания со стороны советской власти неизбежности логического конца большевистской политики в Туркестане.

Конечно, этим и только этим можно объяснить арест главковерха Колузаева, комиссара Успенского, учреждение следствия над председателем ТуркЦИКа Казаковым, — а ведь это все люди, считающиеся непогрешимыми.

К этому надо прибавить еще усиленные стремления советской власти проникнуть в Индию, путь в которую, как вынуждена была признать советская власть, лежит лишь через пробуждение национальных чувств, через фазу национальной революции.

Все это приводит к тому, что московский Совнарком посылает в Туркестан Чрезвычайную следственную комиссию, в задачи которой входит не только расследование деятельности отдельных представителей туркестанского большевизма, но и создание в Туркестане условий нормальной работы с принятием во внимание всего своеобразия быта туземного населения. На это же указывает и факт назначения председателем чрезвычайной комиссии Бройдо, хорошо известного в Туркестане по своей прошлой деятельности.

Г.И. Бройдо — человек беспартийный, сочувствующий социал-демократии, сторонник демократии как формы государственного строя — является членом президиума Общества развития производительных сил Туркестана (общество образовано в Москве в августе 1918 г.).

Ныне в Туркестане из прежних деятелей советской власти вообще никого не осталось: одни из них убиты во время большевистского восстания в 1918 г., другие арестованы Чрезвычайной комиссией, третьи сами отстранились от активной работы. К числу последних принадлежат левые с.-р. Черневские (отец⁶ и сын⁷).

Кстати, для характеристики туркестанских деятелей нелишне указать, что Черневский-отец, ныне левый с.-р., до революции состоял одним из деятельнейших членов «Общества 1914 г.»⁸ и писал в одном органе с Пуришкевичем⁹ и Замысловским¹⁰. Но и для этого человека стала невозможной совместная работа с большевиками, когда левые с.-р. путем перемены партийных карточек «перебрались» в партию коммунистов.

С точки зрения необходимости очистки туркестанской политической атмосферы назначение Бройдо нельзя не признать удачным.

Относительно расширения базы туркестанской советской власти мне сообщают, что из центра было указано на желательность проведения в Туркестане всеобщего избирательного права и даже созыва Учредительного собрания, если того пожелает мусульманское большинство населения.

Борьба (Тифлис). 1920. 1 апреля.

¹ Дата публикации.

² Г.А. Колузаев был приговорен 30 июня 1920 г. к 5 годам лишения свободы с заменой по амнистии условным заключением с направлением на Западный фронт.

³ Агапов Василий Ефимович (1884–1925) — большевик с 1903 г., председатель Перовского и член Туркестанского краевого советов (1917 г.), замещал председателя Совнаркома Туркестанского края (январь — март 1918 г.), в мае 1918 г. подал в отставку, участник антисоветского выступления в Ташкенте в январе 1919 г., 19 января 1919 г. арестован; 28 февраля 1919 г. приговорен к пятилетнему заключению с применением общественных работ.

⁴ Клевлеев (Кливлеев) Ариф — татарин, большевик с 1918 г., член Татаро-Башкирского комиссариата при Наркомнаце РСФСР, уполномоченный Наркомнаца РСФСР в Туркестане, один из руководителей му-

сульманского бюро Самаркандского обкома КПТ, в 1918 г. зам. председателя ТуркЦИКа, редактор газеты «Иштракиун», в 1920 г. сотрудник Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР.

⁵ Ибрагимов Юсуф (1895–1961) — татарин, поручик, после Февральской революции комиссар Всероссийского мусульманского военного совета на Северном фронте, член Татаро-Башкирского комиссариата при Наркомнаце РСФСР, член ТуркЦИКа и СНК ТССР (1918 г.), коммунист (1919 г.), в 1919–1920 гг. член РВС Туркестанского фронта, в 1920–1921 гг. военный назир (министр) Бухарской Народной Советской Республики. С 1921 г. на дипломатической и педагогической работе.

⁶ Черневский Николай Иванович (1865 – после 1920) — потомственный дворянин, отставной подполковник, возглавлял организацию левых эсеров в Туркестане, комиссар торговли и промышленности Туркестанского совнаркома (1918 г.). 27 ноября 1919 г. арестован вместе с сыновьями и по постановлению Туркестанской комиссии ВЦИК выслан в январе 1920 г. в Оренбург.

⁷ Имеется в виду Черневский Всеволод Николаевич (1895–1938) — левый эсер, в 1919 г. зам. председателя Ташкентского совета.

⁸ «Общество 1914 года» — возникло в России в самом начале Первой мировой войны, ставило своей главной целью борьбу с немецким засильем внутри страны.

⁹ Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920) — помещик, один из инициаторов создания Союза русского народа (СРН), депутат II–IV Государственных дум, ведущий публицист органа СРН — «Русское знамя» (до 1908 г.), затем издавал журнал «Прямой путь» (1909–1914 гг.).

¹⁰ Замысловский Георгий Георгиевич (1872–1920) — дворянин, землевладелец, активный деятель СРН, Русского народного союза им. Михаила Архангела, депутат III–IV Государственных дум, участник белого движения.

№ 33

Заметка газеты «Вольный горец» о беседе с М. Чокаевым об отношениях между казахами и казаками в Уральской области

12 апреля 1920 г.¹

УРАЛЬСКИЕ КИРГИЗЫ И КАЗАКИ
(от нашего бакинского корреспондента)

Прибывший из Форта-Александровска интеллигентный киргиз передает не лишние интереса сведения об отношениях киргиз Уральской области к уральским казакам и верхам казачества.

Во время борьбы уральского казачества с большевиками наши киргизы разделились на два лагеря: Темирский уезд (пограничный с тургайскими и туркестанскими киргизами) стал в явную вражду к казакам, но и к большевикам не присоединился. Остальная часть области, находящаяся в непосредственном соседстве с уральскими казаками, не могла открыто выявить свою позицию. Да и казаки старались всячески ладить с киргизами и в доказательство своего дружелюбия и уважения к их национальным правам признали киргизское правительство и заключили с ним даже соглашение по вопросам политическим и экономическим. Это было еще до того времени, когда не была установлена связь уральцев с Сибирью. Но как только эта связь установилась, верхи казачества сейчас же переменили свою тактику. Пошли обвинять киргиз в туркофильстве и пантюркизме, доказательство чего видели в названии Уральской области киргизами — «Уил оляяти» — и всячески препятствовали киргизам в получении вооружения и денежных средств.

Не ограничиваясь этим, казаки заняли Доссор, нефтяные источники на территории киргиз. Это сразу внесло **ясность** в киргизско-казачьи взаимоотношения. Да и как иначе быть: киргизы, живущие на Доссоре, стали получать керосин по цене в 3–4 раза дороже, чем казаки, живущие на 400–500 верст от Доссора. Казаки установили **пошлину** на керосин для **инородцев** области. Тем временем большевики приближались к самому Уральску, и связь с Сибирью была опять прервана. Казаки начали, что называется, **охаживать** киргиз. Наши верхи начали вновь колебаться и выразили было согласие выставить около 300 вооруженных всадников для обороны Уральска. Об этом узнали «джигиты» (киргизские добровольцы) и произвели форменный бунт:

— Не хотим защищать тех, кто грабит нас самих.

И «джигиты» разъехались по аулам.

Стоило больших трудов вновь собрать их. Они собрались, но защищать казаков отказались.

— Пускай воюют русские между собою.

— Большевики морят голодом наших туркестанских братьев, а казаки грабят нас здесь.